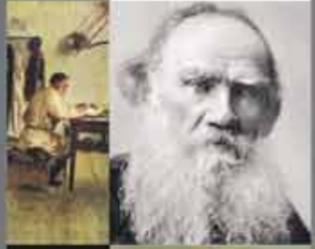
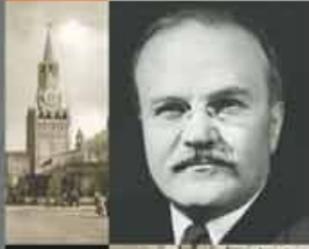

ФАДЕЕВВасилий
Лучено

ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЛЕВ ТОЛСТОЙЛев
Толстой

ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

МОЛОТОВВячеслав
Молотов

ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ФИДЕЛЬ КАСТРОФидель
Кастро

ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВОРОШИЛОВНиколай
Ворошилов

ЖИЗНИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВСЕЛЕННАЯ**ЖИЗНЬ**

ГАЗЕТА ИЗДАТЕЛЬСТВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
АПРЕЛЬ 2017 № 1 (21)

ЛЮБИТЕЛЯМ ИСТОРИИ
И ЛИТЕРАТУРЫ
БИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА

ЛИНИЯ ЖИЗНИ стр. 2

Лев ДАНИЛКИН:
«ГЛАВНЫМ БЫЛО ИЗБА-
ВИТЬСЯ ОТ ИЛЛЮЗИИ, ЧТО
О ЛЕНИНЕ УЖЕ ВСЁ НАПИ-
САНО»

В 2012-м на Капри на меня из-под памятника Ленину (есть там такой), как из черепа коня вешего Олега, выползла змея — с этого, собственно, началась моя книга... Мне было интересно везде — биограф должен, если может, повторять движения своего «клиента». Если он залезал в Саянах на хребет Борус или вот вечером 24 октября 1917 года совершил прогулку от Сердобольской к Смольному — тоже надо лезть и гулять. В комбинации с чтением текстов — это идеальный способ влезть в голову, понять, что у него было в голове.

НОВИНКИ стр. 3

Е. Глаголева
«РОТШИЛЬДЫ»

Л. Кириллина
«ГЕНДЕЛЬ»

С. Макеев
«БАРОН МЮНХГАУЗЕН»

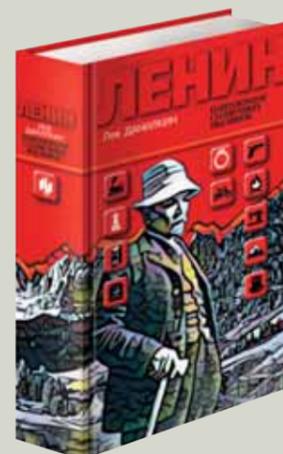
П. Аптекарь
«ЧАПАЕВ»

Н. Платошкин
«ЧЕ ГЕВАРА»

Г. Свиридов
«МУЗЫКА КАК СУДЬБА»

ЮБИЛЕЙ стр. 4–5

В 2017 году нашему издательству исполняется 95 лет. За эти годы изданы два с половиной миллиарда книг, которые оставили заметный след в жизни нескольких поколений не только читателей, но и писателей. О веках своего сотрудничества с «Молодой гвардией», об истории написания своих книг — вспоминают наши авторы.

КНИГА—СОБЫТИЕ стр. 6

Ленин был великий велосипедист, философ, путешественник, шутник, спортсмен и криптограф. Кем он не был, так это приятным собеседником, но если Бог там, на небесах, захочет обсудить за шахматами политику и последние новости — с кем еще, кроме Ленина, ему разговаривать?

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ стр. 7

Даже в современном демократическом обществе, как ни странно, возникает проблема свободного распространения информации, идей, мнений. При этом еще в 1644 году поэт, публицист, политический деятель Джон Мильтон опубликовал свою знаменитую «Ареопагитику», которая до сих пор является одной из наиболее проникновенных философских речей в защиту свободы слова и печати.

ЖИВИ И ПОМНИ стр. 8

15 марта 2017 года другу «Молодой гвардии», замечательному писателю, классику русской литературы XX века Валентину Григорьевичу Распутину (1937–2015) исполнилось бы 80 лет.

Сто лет назад, в апреле 1917 года, большевик Владимир Ленин вернулся из эмиграции на родину, чтобы коренным образом изменить ход развития России и всего мира.

Всем известно, что Ленин — это глыба. Матерый человечик. Его полное собрание сочинений составляет увесистые 55 томов; написаны десятки его биографий, а общее количество посвященных ему произведений не поддается, кажется, никакому учету. Подойдя к этой глыбе с необычной стороны, Лев ДАНИЛКИН увидел в нем не только великого революционера и грандиозного мыслителя, но и отменного велосипедиста, «бешеного» путешественника, увлеченного шахматиста. Данилкин убежден: каждому поколению нужна своя книга о Ленине.

Лев ДАНИЛКИН:

«ГЛАВНЫМ БЫЛО ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ИЛЛЮЗИИ, ЧТО О ЛЕНИНЕ УЖЕ ВСЁ НАПИСАНО»

— Для начала не о Ленине, не о книге, а о вас. Хотелось бы услышать что-то из разряда «немного о себе».

— Ничего особенного — если в двух словах. У меня всё было как у всех — обычная, самая простая семья, учителей и врачей, с двумя воевавшими до Берлина и Праги дедом, с долгими каникулами в Виннице, на Украине, и в Тамбовской области, с грядками картошки и колорадскими жуками в банках из-под селедки с керосином. И хотя я всю сознательную жизнь провел ну не очень далеко от Москвы, так скажем, но чем дальше, тем больше чувствую себя «немосковским», провинциальным, местечковым, деревенским, как угодно; с возрастом это усиливается. У меня нет ничего общего с моим «московским» окружением — я разговариваю цитатами не из Збальды и Янагихары, а из «Бриллиантовой руки», я коллекционирую не какой-нибудь редкий винил начала 80-х, а тривиальные пивные бутылки, и вместо фейсбука я смотрю свою спортивную передачу по федеральному каналу. У меня плебейские, нестоличные вкусы и представления о жизни.

— Вы окончили филфак МГУ. Могли стать писателем, могли — переводчиком, но сконцентрировались на работе литературного критика. Почему выбрали именно эту стезю?

— Я знаю, что умею находить, отличать хорошие тексты от плохих, у меня это в крови, охотничий нюх, как у kota на мышей. Это не похвальба, просто это так, я знаю это, я знаю, где набор слов, а где — литература, даже если всем остальным она кажется набором слов, я, скорее всего, сумею убедить, что я — в этом — прав. Мне нравится — нравилось — выискивать имена, которые никто не знает, и я знал — тогда, в 90-е и нулевые, — что могу сказать о литературе что-то такое — и так — как о ней не говорили в толстых литературных журналах. Я придумал этот жанр себе «афишевской рецензии» — но за пятнадцать лет он мне смертельно надоел. Ну и раздражают какие-то вещи — я потратил столько усилий на то, чтобы объяснить, что Проханов — замечательный писатель, но у него все равно репутация графомана. В общем, я знал, что у этой профессии есть свои плюсы — можно хоть на ходу читать, ни-

кто тебе слова не скажет; но исхальтуриваешься — неизбежно.

— Назовите лучшие произведения, которые вам довелось читать, — те, что лет через сто, на ваш взгляд, будут считаться безусловной классикой русской литературы.

— Из условно «современных»? Пелевинский «Чапаев», «Воскресение в Третьем Риме» Владимира Борисовича Микушевича, очень важный роман, который мне не удалось ввести в оборот, мой главный провал в этом смысле, ну и, да, «Господин Гексоген», да, я уверен, что это роман, на котором сломалась эпоха. Это всё вещи, которые я могу перечитывать, и они только лучше становятся от времени.

— Что можно сказать о состоянии современной русской литературы в целом? Вызывают ли нынешние образцы русской словесности большой интерес за рубежом?

— Она странная; русский — постсоветский — роман непохож на стандартный «евророман». Долгое время мне казалось, что неспособность русской литературы произвести какой-то хит, международный шлягер, вроде «Мастера и Маргариты» или «Доктора Живаго», «Ста лет одиночества» или «Имени розы», является свидетельством ущербности, клеймом, знаком неполноценности. Но чем больше я смотрю на то, что вокруг — тем больше рад тому, что неконвертируемость сделала русскую литературу своеобразным эндемиком.

— В 2011 году вы дебютировали в серии «ЖЗЛ» с книгой «Юрий Гагарин». Наверняка было много как резко негативных, так и восторженных откликов на эту биографию, когда вы оказались по другую, не слишком привычную, сторону баррикад — не критик, а писатель.

— Я, честно говоря, не сильно нуждаюсь в чьих-либо советах, сам знаю, чего стоят мои книжки — не переоцениваю их нисколько; и проахи все свои сам знаю. Про «Гагарина»: это была первая книга, в которой акцент был не только на «обычной», до-12-апрельской, биографии, но и на послеполюетной жизни Гагарина. Я показал — насколько мог — что его выбор был неслучаен, что Гагарин был уникальным, сложным, серьезным человеком, который не потерял эти семь лет, а сумел «перепрыгнуть

через собственную тень». И, думаю, останься он жив, он добился бы полета на Луну — и история была б, наверное, другая у СССР; его смерть — это развилка, роковое событие, не менее значимое, чем 12 апреля.

— В процессе работы у вас возникло желание слетать в космос, чтобы лучше понять то, что пережил ваш герой, — и «Молодая гвардия» делала запрос в Роскосмос. Насколько вы отчаянный, рискованный человек?

— Да какое там отчаянный, всю жизнь на печи провалялся с книжками. Может быть, во времена Белинского в жизни литературного критика было нечто романтическое, критик был расхристанным, лохматым существом, у которого из всех карманов торчали «идеи», он был обмотан ими, как шахид поясами. Нынешние вообще, совсем не то. Тут скорее чувствуешь себя персонажем Вудхауса, причем второстепенным, «в эпизодах». От тебя требуется просто присутствовать таким пятном в ландшафте, для антуража, как в дорожных ресторанах иногда держат дворецкого — в качестве диковинки. Да, ты делаешь вид, что чем-то дирижируешь, но это комичная профессия, на самом деле, от тебя ничего не зависит, ни твои «идеи», ни политические, ни даже эстетические предпочтения никому не интересны. Собственно, поэтому и только поэту я время от времени обнаруживал себя в странных местах вроде Баальбека, или там Лалибелы, или Сринагара — чтобы не умереть со скуки, глядя по утрам в зеркало. И да, я в какой-то момент был одержим идеей написать книгу о современном состоянии российского космоса — и бредил тем, чтобы слетать самому.

— С парашютом решили прыгнуть после того, как Роскосмос отказал?

— Да, я рассчитывал, что они как Лайку посадят меня в корабль и отправят на орбиту, это был бы хороший финал моей карьеры. С парашютом другая история — там тебя никто не заставит. Просто открывается люк, дыра, ведущая в пропасть, и ты либо прыгаешь, либо не прыгаешь. Это, собственно, похоже на предложение написать книги о Гагарине, да и о Ленине, именно так. Ленин часто цитировал Гёте. — Что такое филистер? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что бог сжалится. Вот прочтешь такое — ну и прыгаешь, конечно, не от смелости, а от страха, чтоб хоть какой-то барьер был между тобой и такими определениями.

— Книга о Ленине написана в жанре травелога. Какие поездки по ленинским местам запомнились вам больше всего?

— Когда на меня в 2012-м на Капри из-под памятника Ленину — есть там такой — выползла змея, как из черепа коня вешего Олега, — с этого, собственно, началась эта книга. Но мне было интересно везде — биограф должен, если может, повторять движения своего «клиента». Если он залезал в Саянах на хребет Борус или вот вечером 24 октября 1917 года совершил прогулку от Сердобольской к Смольному — тоже надо лезть и гулять. В комбинации с чтением текстов — это идеальный способ влезть в голову, понять, что у него было в голове.

— Раскройте секреты писательской кухни: в чем были принципиальные отличия в работе над биографией Ленина — по сравнению с книгой о Гагарине?

— Гагарин не успел оставить после себя 55 томов сочинений. Книгу о Ленине я начинал писать как литературный критик: я и сейчас уверен, что текст говорит о человеке больше, чем его известные поступки; даже когда он ненадежный рассказчик. И да, «стиль Ленин» через тексты можно почувствовать. Главной проблемой того, кто пишет о Ленине, становится изначальная иллюзия, что о нем уже всё написано — и зачем еще одна книжка? На самом деле, это полная ерунда. Как говорил народо-волец Николай Морозов, новому человеку понадобится новая история. Каждому поколению нужна своя книга о Ленине — тем более сейчас; ее и у прошлого поколения не было.

— И вот вы ее написали. Подзаголовок: «Пантократор солнечных пылинок». Наверняка далеко не все читатели с ходу поймут это словосочетание.

— Это книга о философе, который добился абсолютной власти на значительной территории земного шара. В начале 1920-х многие, особенно крестьяне, воспринимали Ленина именно в религиозных терминах; он был для них своего рода эрзацем Христа; отсюда есенинский «Пантократор». Это история про редчайший, не имеющий аналогов в мировой практике случай — философа, который изменил мир так, как никто ни до, ни после. Название — иероглиф, но позволяющий себя прочесть, при желании. Происхождение «солнечных пылинок» объясняется в эпилоге.

— Как вам вообще хватило смелости взяться за этот труд? И в какой момент вы действительно поняли, какой колоссальный груз вы на себя взвалили?

— Отказаться написать книгу о Ленине так же глупо, как отказаться, если на Луну слетать предлагают, даже если в один конец. Ну и потом, я, как и большинство людей, не понимал Ленина, это был черный ящик такой в истории XX века — я чувствовал, что в нем все объяснения — но не понимал их. История Ленина — ключ ко всему остальному.

Мне мать показывает иногда, когда мы мимо Дома на набережной проезжаем, — что вот в 37-м отсюда ее дела и отца отправили в Коммунарку и в ташкентский детдом соответственно — и мне всегда казалось это абсурдом, как так, зачем, почему так могло получиться. А вот сейчас, благодаря тому, что я написал эту книгу, я понимаю, как так могло получиться, я знаю — в чем логика, как именно хорошие идеи приводят к не очень хорошим — для нас и наших семей — последствиям.

— И всё же, скажите честно: жалели ли вы, что согласились на эту затею? Возникло ли желание на всё плюнуть и бросить?

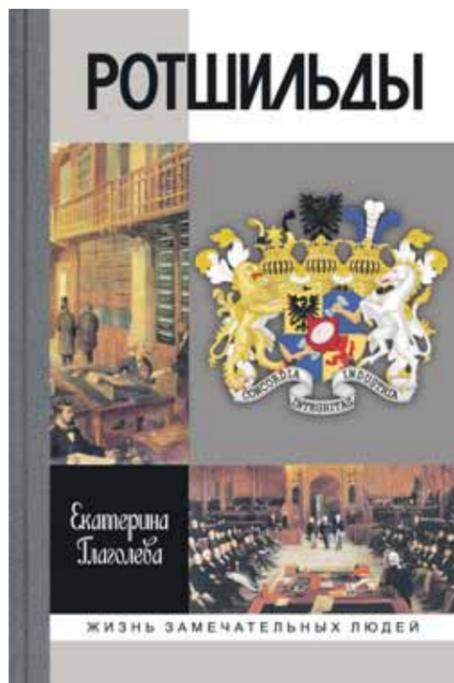
— Нет, конечно, я это воспринимал как великое одолжение, за которое невероятно признателен «Молодой гвардии». Это не формальные слова вежливости, я воспринимаю это — и сейчас, и пять лет назад — как честь. Это не просто «интересно-неинтересно», тут другая история. Я воспринимал это как возможность сделать дело, ради которого я родился, вот без шуток. Я, конечно, мог бы справиться и лучше, но я старался.

— В книге всего одна иллюстрация — детский рисунок Ленина, «письмо тотемами». Что это за таинственный документ?

— Ленин, несмотря на десятки тысяч вариантов толкований его личности и биографии, оставил нам загадки — и с одной такой загадки книга и начинается. Это письмо, написанное пиктограммами — кажется, простенькое, но на самом деле — бесконечно таинственное.

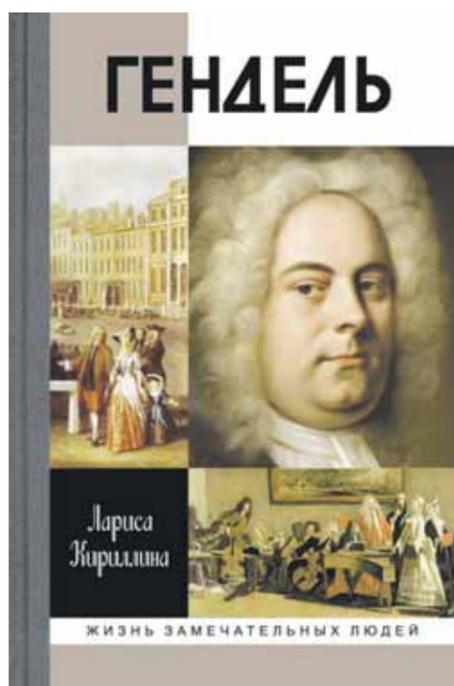
— Вы назвали Крупскую вашим любимым персонажем густонаселенной околенинской Вселенной. Кого могли бы выделить еще? Кто еще (и чем) вас поразил?

КОРОЛИ БАНКИРОВ

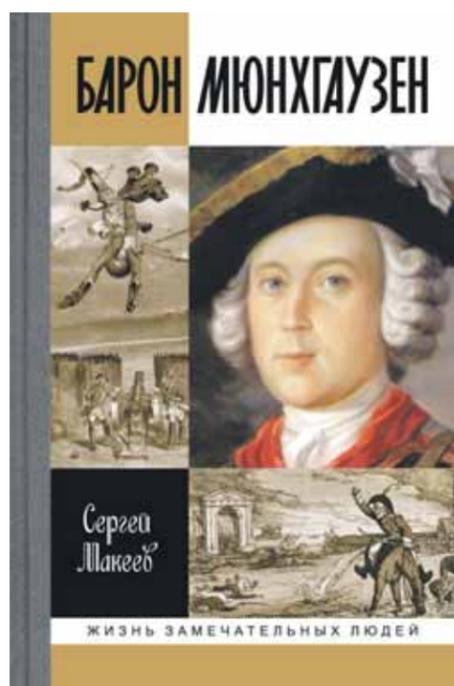
Имя Ротшильдов давно превратилось в синоним власти и денег. Их называли банкирами королей и королями банкиров. Выходцы из франкфуртского гетто получили баронские титулы и заседали в парламентах Германии, Франции и Англии, вкладывали деньги в нефтедобычу, рудники и железные дороги, торговали хлопком, шерстью и табаком на пяти континентах. Коллекционеры предметов старины и произведений искусства, конезаводчики и виноделы, писатели, ученые, автогонщики, путешественники... Они участвовали в борьбе против фашизма, основали многочисленные благотворительные фонды и внесли огромный вклад в создание государства Израиль. В истории семьи были долгие жизни и таинственные смерти, крепкие браки и адюльтеры, дуэли и политические скандалы. Ротшильды — объект многочисленных теорий заговора. Несмотря на череду кризисов и потрясений, они уже третий век являются неотъемлемой частью каждой исторической эпохи. Верные семейным традициям, они не сделали их догмой и еще не сказали своего последнего слова.

НЕСЛОМЛЕННЫЙ ГЕНИЙ

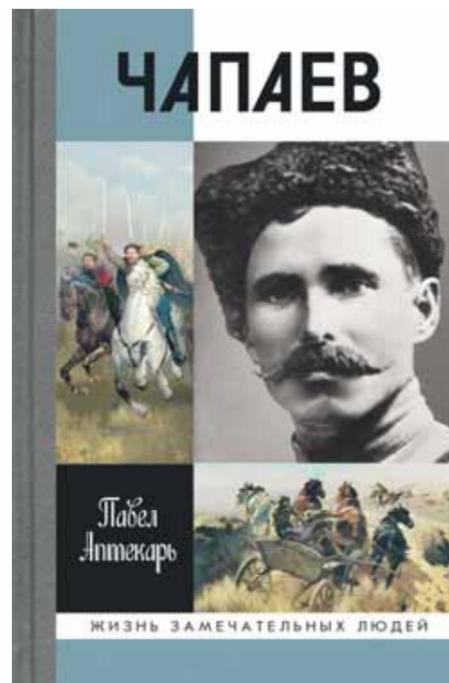
Георг Фридрих Гендель (1685—1759) — гений, творчество которого изменило историю музыкального искусства. Выходец из маленького немецкого города Галле, в юности он сумел покорить Италию, затем возглавить оперный театр в Лондоне, а на старости лет стать классиком жанра английской оратории. Удачливый, знаменитый, богатый, он мог бы стать героем книги из серии «история успеха». Однако безоблачной его долгая жизнь не была. В биографии Генделя читатель найдет ряд драматических моментов: семейные утраты, дуэль с близким другом, козни соперников, ссоры и примирения с членами королевской семьи, а под конец — полная слепота, которая не смогла сломить его дух и отказаться от творчества. В первой на русском языке подробной биографии Генделя, написанной профессором Московской консерватории Ларисой Кириллиной, жизнь великого композитора представлена в контексте искусства и политики первой половины XVIII века. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся культурой этого времени.

ЗЕМНОЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ

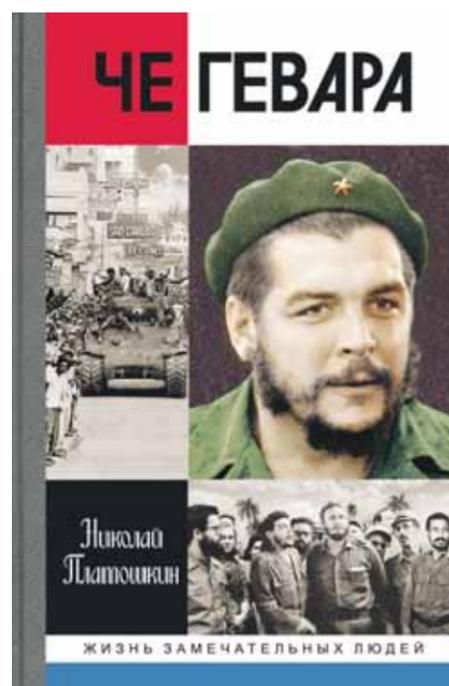
Имя барона Мюнхгаузена известно каждому с детства. Многие знают и о том, что человек с таким именем действительно жил в Германии в XVIII веке и оставил по себе память в России, где проходила его военная служба. Но каким этот человек был на самом деле? Какие события подлинной биографии барона послужили основой его веселых историй? И какую роль в создании легендарного образа сыграли авторы первых печатных сочинений, написанных от его имени, — немецкие писатели Р. Э. Распе и Г. А. Бюргер? Чтобы ответить на эти и множество других вопросов, автор книги, писатель Сергей Макеев, прошел земными дорогами настоящего Мюнхгаузена в Германии и России, а затем и фантастическими путями вымышленного барона. И выяснилось, что попытки отделить одного от другого удаются лишь отчасти и лишь на короткое время — ибо эти два персонажа, по странному закону взаимного притяжения, вновь и вновь сливаются в нерасторжимое единство, продолжая и по сей день удивлять нас новыми гранями своей необыкновенной личности.

САМЫЙ НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ

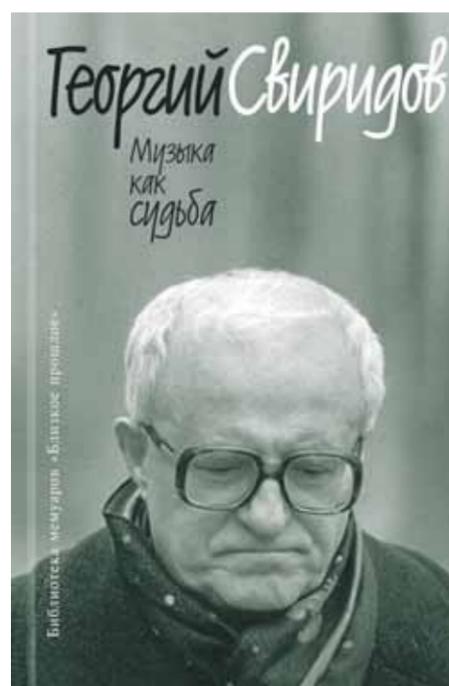
Василий Иванович Чапаев (1887—1919) был и остается одним из ярких деятелей отечественной истории, легендарным военачальником, самородком из низов, победителем на полях сражений Гражданской войны. Образ храброго воина, умелого военачальника и командира, глубоко переживающего за боевых товарищей, запечатлелся в народной памяти. Благодаря роману Дмитрия Фурманова и фильму братьев Васильевых начальник 25-й стрелковой дивизии через 15 лет после своей гибели стал народным героем, завоевавшим симпатии миллионов читателей и кинозрителей, в том числе Иосифа Сталина, который за полтора года посмотрел «Чапаева» 16 раз. Но литературный и кинематографический образ далек от подлинной исторической личности — того сложного, противоречивого, но исключительно талантливого и обаятельного человека, каким на самом деле был Чапаев. В своей книге автор создает многогранный и максимально достоверный образ героя, жизнь которого пришлось на великий, трагический и кровавый период российской истории.

КРАСНЫЙ КОМАНДАНТЕ

Об Эрнесто Че Геваре (1928—1967) написано очень много, но споры о нем не утихают и спустя полвека после его гибели. Символ бескорыстного служения идеалам гуманизма и справедливости, романтик революции, намного опередивший свое время, — этот незаурядный человек никого не оставляет равнодушным. Им восторгаются или его ненавидят, его жизнь описывают как беспримерный подвиг или как трагическое фиаско. Облик этого человека известен каждому жителю планеты, как бы он к нему ни относился, ему стоят памятники по всему миру — от родного Росарио до Вены, его увековечили в песнях и стихах на всех континентах. Представленная биография не претендует на «последнее слово», ибо, как считает автор — историк и дипломат Николай Николаевич Платонов, в отношении несломленного команданте Че, чья настоящая жизнь началась только после смерти, оно никогда не будет произнесено. Но если читатель сможет лучше понять и ощутить время, в котором довелось жить Че Геваре, автор будет считать свою задачу выполненной.

«ЛЕТУЧИЕ» ЗАПИСИ

Первое издание книги дневниковых записей великого композитора XX века Георгия Васильевича Свиридова (1915—1998) вызвало огромный интерес широкой читательской аудитории и стало важным событием в русской культуре. И не только в музыке, но и в культуре в более широком смысле — его размышления вписаны в контекст литературы, философии, общественных споров 60—90-х годов, к которым относятся дневники. Время показало, что книга «Музыка как судьба» по-прежнему волнует наших соотечественников. К тому же выросло новое поколение творческой молодежи, которое любит и исполняет произведения Свиридова, но не знакомо с его «летучими» записями, открывающими тайны его души и ума, ибо книга сразу же по выходе стала библиографической редкостью. Второе издание дневников включает новые тексты и предлагает глубокие и своевременные комментарии, которые подготовили музыковед, президент Национального Свиридовского фонда Александр Белоненко и ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН Сергей Субботин.

«МОЛОДОЙ ГВАРДИИ» – 95 ЛЕТ

В 2017 году старейшему отечественному издательству «Молодая гвардия» исполняется 95 лет. За эти годы изданы два с половиной миллиарда книг, которые оставили заметный след в жизни нескольких поколений не только читателей, но и писателей. О вехах своего сотрудничества с «Молодой гвардией», об истории написания своих книг — вспоминают наши авторы.

Алексей КАРПОВ «НЕТ, КОНЕЧНО, Я НЕ НЕСТОР...»

Первой моей книгой, вышедшей в издательстве «Молодая гвардия», стал сборник «Златоусты (Древняя Русь. X—XIII вв.)», к составлению которого меня привлек мой учитель профессор Аполлон Григорьевич Кузьмин, светлая ему память. Выдающийся ученый, он был и удивительным человеком, всегда и во всем поддерживал своих учеников, доверял им. Вот и мне он предоставил практически неограниченную свободу в «моих» разделах книги — в подборе текстов, их комментировании, толковании, переводах. Тогда, в конце 1980-х, издательство было совсем не похоже на нынешнее. Собственно, это было даже не издательство, а громадное издательско-полиграфическое объединение — со своей типографией, с журналами, многочис-

По большей части они, конечно же, шуточные, но, во-первых, всё-таки лишь по большей части, а во-вторых, в каждой шутке, как известно, — лишь доля шутки.

Вот одно из них:

На книгу «Сказания Русской Летописи» (серия «Русская гимназия», 1995 год)

Нет, конечно, я не Нестор.
Я не Никон, не Сильвестр,
Не блаженный Августин,
Не смиренный Евфросин.
Знаю: только лишь монахам
С Божьим трепетом и страхом
Подобает без причуд
Исполнять подобный труд.
Длиннорясы, скорбнолицы,
Таковы вы, летописцы.
Я же рясы не ношу.
Да нужда велит: пишу.

Алексей Карпов

Мария Залеская

Мария ЗАЛЕСКАЯ «БЕЗ “МОЛОДОЙ ГВАРДИИ” ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ КУЛЬТУРНУЮ ИСТОРИЮ НАШЕЙ СТРАНЫ НЕВОЗМОЖНО»

Наверное, не будет преувеличением сказать, что представить себе культурную историю нашей страны без издательства «Молодая гвардия» невозможно. Во времена моего детства, пожалуй, не было ни одной мало-мальски образованной семьи, где бы ни стояли на полках книги с характерными, легко узнаваемыми корешками — с факелом и аббревиатурой ЖЗЛ.

Можно сказать, что именно с чтения этих книг (а наша семья не была исключением — «жизней замечательных людей» у нас было много) для меня по-настоящему начался период взросления. И здесь, безусловно, сыграло свою роль одно «отягчающее обстоятельство»: несколько книг из серии «ЖЗЛ» были для меня особенными, «родными» во всех смыслах этого слова. «Кант» — до сих пор лучшая биография немецкого философа, переведенная даже на китайский язык; «Гегель» — не только жизнеописание великого человека, но и буквально учебник для студентов философских, и не только, факультетов; «Шеллинг»... Всё это книги, написанные Арсением Владимировичем Гулыгой, выдающимся философом-германистом, моим дорогим родственником, сказавшим мне однажды (мне тогда еще не исполнилось и одиннадцать лет): «Ты должна писать и заниматься Германией».

Так я оказалась «повязанной» и с «Молодой гвардией», и с серией «ЖЗЛ». «Повязанной» на всю жизнь! Завет Арсения Владимировича я выполнила в 2011 году, когда в легендарной серии «ЖЗЛ» увидела свет моя книга — биография Рихарда Вагнера. Для меня боль-

шая честь, что мой «Вагнер» получил признание в Германии — и этим я обязана любимому издательству. Но главное, я получила стимул не останавливаться на достигнутом. В 2016 году вышла моя вторая жэзэловская книга — «Ференц Лист». Я пишу и занимаюсь Германией...

Людмила САРАСКИНА ГЛАВНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Мое сотрудничество с «Молодой гвардией» оказалось неразрывно связано с многолетним общением с А. И. Солженицыным.

В начале 1995 года вернувшийся из изгнания Солженицын, с которым мы прежде никогда не были знакомы, позвонил мне домой, сказав: «Мы там вас читали». К тому моменту успела выйти в свет только одна моя книга: «“Бесы” — роман-предупреждение» — размышления о романе Достоевского.

Я стала часто общаться с Солженицыным и лет пять просто присматривалась к тому, что происходит вокруг него, спрашивала у его жены, пишет ли кто-нибудь о нем что-нибудь большое. Сама писать ничего не собиралась: ведь мой предмет — XIX век, Достоевский, пожизненно, навсегда. А потом как-то раз незначай завела в компьютере файл, который назвала: «А. И. Солженицын. Летопись жизни

традиции...» Я же продолжала работать для неизвестного будущего.

Внезапно в самом конце 2005 года писателю позвонили из «Молодой гвардии» и сообщили, что у них стартовала новая серия — «ЖЗЛ: Биография продолжается...» — и что планируется книга о нем. Поначалу он категорически возражал. Тут ему объяснили, что книга в любом случае выйдет, и если он отказывается от сотрудничества с издательством, оно будет само искать автора. «Но, может быть, у вас есть человек, кому вы доверяете?» — прозвучал вопрос.

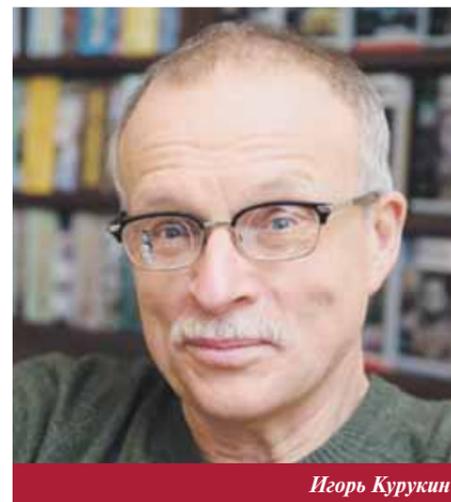
И тогда Солженицын назвал меня. Издательство дало написание книги полтора года, и я ни за что бы не справилась, если бы не «Летопись» и вся предварительная, многолетняя работа впрок. Неизвестное будущее оказалось рядом и потребовало ему соответствовать.

Когда книга «Александр Солженицын» (935 страниц, 120 фотоиллюстраций) вышла, меня призвал генеральный директор «Молодой гвардии» В. Ф. Юркин, поздравил с успешным завершением работы и произнес слова, которых можно было ждать всю жизнь, но так и не дожидаясь: «Вот теперь мы, наконец, нашли автора на нового Достоевского».

Я едва устояла на ногах. Достоевский и моя давняя книга о его романе «Бесы» привели ко мне Солженицына, а теперь книга о Солженицыне привела ко мне — вернула мне! — До-

Людмила Сараскина

Игорь Курукин

и творчества». Сначала думала, что для себя — просто потому, что далеко не всё о нем знала. В таблице следовало совместить даты, события и документы, подтверждающие, что данное событие имело место именно в этой дате.

Когда года через два весь доступный мне материал был освоен и зафиксирован, а летопись выстроилась на шестистах компьютерных страницах, выявились огромные нестыковки, несуразицы и просто нелепицы. Сошлись вместе документы о военном пути писателя, наградные справки Наркомата обороны СССР, письма с фронта; а еще показания «свидетелей», будто он вообще не воевал: то отсиживался в тылу, то находился на оккупированной территории, то попал в плен к немцам и сотрудничал с ними, то вообще служил в гестапо... Передо мной был многосерийный детектив, и надо было распутать, кто и зачем дает противоречивые показания, почему столько несовпадений, где здесь простые недоразумения, а где напраслина и клевета.

И только тогда, когда я не смогла больше самостоятельно справиться с исследованием, я призналась Александру Исаевичу, что занялась сбором материала о нем и что эти материалы полны противоречий и нестыковок. Поразительно прозвучал его ответ: «На меня врут, как на мертвого». Эта фраза выстрелила во мне: «Как это так, ведь вы живы, а значит, обязаны опровергнуть ложь!» Я поняла, что необходимо разгрести это кошмарное количество вранья. В течение трех лет я приезжала к нему в Троице-Лыково с диктофоном, задавала вопросы.

Так у меня в руках собрались все необходимые документы, неопровержимые доказательства, неотразимые аргументы, но было не очень понятно, как и когда я смогу пустить их в ход. Ведь при каждой встрече Александр Исаевич говорил мне, что ни в коем случае не хочет прижизненной биографии: «Это не в русской

стоевского, дала уникальную возможность написать книгу о нем для «ЖЗЛ».

Так случилось еще два года счастья. Когда я писала биографическую книгу о Достоевском, мне казалось, что как литератору мне нечего больше желать. Круг замкнулся. О ком — после таких гигантов — я могу еще писать? Кто, после них, может заставить работать воображение, ради кого еще стоит уходить в чужие жизни настолько, что почти не замечаешь своей?

Но жизнь причудливее, чем любые наши фантазии на ее счет, и я всё еще жду, какие сюрпризы она мне преподнесет.

Игорь КУРУКИН «“МОЙ” XVIII ВЕК ОТКРЫЛА В “ЖЗЛ” БИОГРАФИЯ БИРОНА»

Мое знакомство с «Молодой гвардией» состоялось в детстве — у старого (еще досоветских времен) родительского книжного шкафа, где стояли томики «ЖЗЛ». «Суворов», «Робеспьер» и «Герои гражданской войны», конечно, понравились, а поэты и ученые тогда как-то не заинтересовали. Студентом Московского историко-архивного института выбирал «жэзэлки» уже сознательно; запомнились книга В. Т. Пашуто об Александре Невском, А. Н. Сахарова о Степане Разине и блистательная работа Н. Я. Эйдельмана о декабристе Михаиле Лунине. Тогда и помыслить не мог, что когда-то сам буду писать для этой серии — но и теперь книги Натана Яковлевича остаются для меня недосягаемой вершиной... Еще запомнился альманах «Прометей» — молодому историку он был очень полезен.

Потом последовал длительный перерыв, когда читать приходилось в основном ученые труды, а к «ЖЗЛ» обращаться разве что для того, чтобы поставить ссылку в историографическом разделе своей статьи. Тем неожиданное стал

звонок в один из дней 2004 года, когда редактор солидного издательства предложил написать книгу об Эрнсте Иоганне Бироне; в новые времена «замечательными» людьми стали не только прогрессивные ученые, пламенные революционеры и прочие борцы за народное счастье. В результате вышла работа о, как бы сказали сейчас, «гражданском муже» императрицы Анны Иоанновны, открывавшем собой плеяду фаворитов российского двора. Вслед за ней появились и другие книги про персон «моего» XVIII века — на многое способного вельможу Артемия Вольнского, несчастную принцессу-правительницу Анну Леопольдовну, грубовластную Анну Иоанновну и жизнерадостную простодушную на троне Екатерину I.

Особо хочется отметить участие в другой серии издательства — «Повседневная жизнь человечества». Такого уникального проекта у российских издательств еще не было — он явно достоин «классической» «ЖЗЛ». Здесь в соавторстве с лучшим редактором на свете Еленой Никулиной с большим удовольствием писались «Повседневная жизнь русского кабака» и «Повседневная жизнь Тайной канцелярии XVIII века».

Сергей МИХЕЕНКОВ «НЕЛЬЗЯ, ЧТОБЫ ИЗ-ПОД ПЕРА ШЛИ ФОРМОВАННЫЕ КИРПИЧИ»

В «Молодую гвардию» я пришел давно, еще в прошлом веке.

В 1984 году в серии «Молодые голоса» вышла моя первая книга прозы. За нее я получил

которые проясняют некоторые белые пятна биографий моих героев. В жизни Рокоссовского это арест и годы тюрьмы, допросов, судов.

«Молодая гвардия» — издательство уникальное. Оно сохранило ту издательскую и человеческую культуру, которая царилась здесь в прошлом веке и которая создавала и нас, ее авторов. Серия «ЖЗЛ» не имеет аналогов. Многие издательства пытались и пытаются создать нечто похожее. Нет, это невозможно. Газон надо стричь десятилетиями... То же и в творчестве. Когда вживаешься в эпоху, начинаешь видеть, чувствовать и понимать многое.

Да, чуть не забыл, я еще и страстный читатель. И люблю читать из своей серии — Александра Бондаренко, Сергея Шаргунова, Станислава Рыбаса, Захара Прилепина, Сергея Куняева, Алексея Варламова. Жизнь человеческая — такое чудо! А когда она написана прекрасным языком... Порой юношески восхищаюсь!

Владимир НОВИКОВ ТРИЛОГИЯ О РУССКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЭТАХ

В «Молодой гвардии» у меня началась вторая профессиональная жизнь.

К концу 1990-х годов, казалось, всё было завершено. Были написаны все задуманные книги, одна из которых — карманного формата исследование «Писатель Владимир Высоцкий» (1991) — вышла стотысячным тиражом и сдружила меня с читающей Россией: не успевал я тогда давать автографы на Ваганьковском, у могилы Высоцкого, на многочислен-

ной серии: ее необычный формат мы обсуждали с В. Ф. Юркиным и А. В. Петровым. Для автора важна такая творческая режиссура, такая «соборность».

Исподволь сформировалась трилогия о русских национальных поэтах, всё новые связи между произведениями которых я продолжаю находить по сей день.

Екатерина ГЛАГОЛЕВА «ВСЕ МОИ КНИГИ СВЯЗАНЫ НИТОЧКОЙ АССОЦИАЦИЙ»

Так получилось, что первая моя книга вышла в 2007 году — в год 85-летнего юбилея «Молодой гвардии», а в нынешнем свет увидела десятая — из тех, что под маркой «МГ». Тоже своего рода юбилей.

Помню, как пришла весной к главному редактору Андрею Витальевичу Петрову с предложением напечатать мой роман, а он внес контрпредложение: переделать роман в книгу для серии «Повседневная жизнь». Осенью, словно прилежная школьница, получившая задание на лето, я принесла ему рукопись.

Все мои книги связаны ниточкой ассоциаций: после «Франции в эпоху Ришелье» и Людовика XIII естественным образом появились «Королевские мушкетеры». По легенде, бывший мушкетер основал пиратскую республику Либерталия на Мадагаскаре — вслед за «Мушкетерами» устремились «Пираты и корсары Атлантики». Корсары служили американским колонистам, борющимся за независимость, а среди подписавших Декларацию независимо-

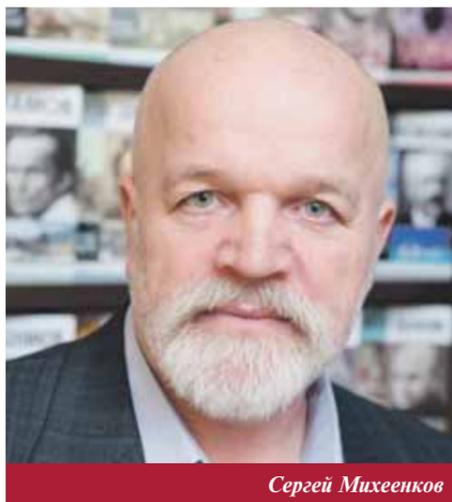
завы в Интернете — это одно, а видеть глаза людей, для которых ты прежде была лишь фамилией на обложке, — совсем другое. И еще. Богат тот, кто со многими может поделиться. За десятилетия «Молодая гвардия» приобрела весомый капитал — безупречную репутацию. Делясь ею с новыми авторами, она не только дает им путевку в жизнь, но и получает взамен «свежую кровь» — секрет вечной молодости.

Алексей ВАРЛАМОВ «В ДЕТСТВЕ Я УВЛЕКАЛСЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ. НО В «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ» МЕНЯ ЖДАЛА РУССКАЯ СУДЬБА»

Для начинающего писателя в СССР словосочетание «Молодая гвардия» имело особый смысл. Там можно было издать первую книгу. Это было очень непросто, надо было очень стараться, искать подходы, связи, собирать рекомендации, наконец и самое главное — просто хорошо писать, но всё это было оправданно, потому что издаться в «Молодой гвардии» значило почувствовать себя человеком в литературе не посторонним и не потусторонним. Я очень хотел, но — мне тогда не повезло, не взяли, не дорос.

Правда, два раза напечатали в альманахе «Истоки». Уже почти тридцать лет тому назад.

По-настоящему судьба свела меня с «Молодой гвардией» уже в новом тысячелетии, когда была издана книга моей прозы в замечательном оформлении художника Владимира Гольдяева, и этой книгой я по сей день гор-

Сергей Михеенков

Владимир Новиков

Екатерина Глаголева

Алексей Варламов

какую-то издательскую премию как за лучшую книгу года и был принят в Союз писателей СССР. Книжечка была маленькой, в мягкой обложке, но тираж — 75 тысяч! И гонорар большой. На него я мог бы купить машину или дом в Тарусе. Но ничего не купил.

Вторая книга тоже вышла в «Молодой гвардии».

А потом был большой, почти в тридцать лет, перерыв.

Я вернулся в литературу уже в новом веке. Романы и документальные книги о войне шли в целом ряде издательств. И вдруг позвонили из «Молодой гвардии». На предложение написать биографию маршала Конева я согласился не сразу. Потом предложили написать биографию маршала Победы Жукова. Но я отказался. Два маршала подряд... Предложил, в свою очередь, книгу о Лидии Руслановой. Она, надо сказать, тоже маршал — русской песни, — но всё же из другой стихии. А это порой необходимо, чтобы не пошли из-под пера кирпичи, формованные по одному ранжиру. Биографию Руслановой я написал на одном дыхании. Теперь, вспоминая, как я работал над этой книгой, мне кажется, что написана она была за одну ночь.

Снова встал вопрос о Жукове, о котором написано очень много. Подумал: ну, напишу еще одну книгу, встану в общий ряд... Нет. И решил вот что: Жуков — человек родины. Он любил свою родную Стрелковку, всегда ездил на калужскую землю. Окружал себя родней и земляками. Любил одаривать их. Я писал его биографию на фоне его родины. Через родину. Он весь был пронизан мыслями и мечтами о родине. Таким его и написал. А родину маршала я знаю хорошо. Сам на калужской земле родился и живу.

Рокоссовский был написан по большой любви. В книге, как, впрочем, и в предыдущих, маршальских, есть документы и свидетельства,

которые проясняют некоторые белые пятна биографий моих героев. В жизни Рокоссовского это арест и годы тюрьмы, допросов, судов.

И вдруг оказывается, что жизнь на этом не кончается, что народу нужна книга не только о Высоцком-поэте, но и о Высоцком-человеке. Из Ростова приехал энтузиаст Леонид Санкин, поднял на ноги Музей Высоцкого. Стал я советовать в памятный день 25 июля 1999 года на Ваганьковском с лучшим другом поэта Владимиром Тумановым, и тот, когда мы пришли к Нине Максимовне на Малую Грузинскую, объявил: «Пора писать о Володе книгу в «ЖЗЛ»».

Никита Высоцкий как директор музея подержал авантюрную затею, Андрей Крылов и Игорь Роговой стали консультантами. «Молодая гвардия» выразила готовность к риску: ведь Высоцкий был непросто молод для такой биографической серии. Но самое трудное было — найти литературную форму. «На ослабленном нерве я не зазвучу» — это признание героя я в полной мере понял, влезая в его шкуру (выражение тоже из «высоцкого» языка).

Книга многократно переиздавалась и никак не хотела меня отпускать. Трижды ее дорабатывал, уточнял, пополнял новыми фактами. А Высоцкий тем временем диктовал мне, в каком историко-литературном контексте он сам себя видит и как мне соответственно надлежит продолжать работу:

И всё же мне досадно, одиноко:
Ведь эта Муза — люди подтвердят! —
Засиживалась сутками у Блока,
У Пушкина жила не выходя.

Чтобы ему не было одиноко, пришлось написать книги о тех, с кем у него одна Муза на троих. Так родилась книга «Александр Блок» (к которой внутренне готовился, впрочем, с юных лет), а затем и «Пушкин» в Ма-

сти было много масонов, — моя личная книжная полка пополнилась «Повседневной жизнью масонов» и биографией Джорджа Вашингтона, моим дебютом в «ЖЗЛ». Вашингтон жалел о том, что не получил классического английского образования, а Бенджамин Франклин обличал недостатки этой системы; почему бы не изучить повседневную жизнь студентов в XVIII столетии? Андрей Витальевич посоветовал расширить временной период, включив в него Средневековье. Зато после успеха книги стало легче его убедить, что жизнеописание Людовика XIII тоже найдёт своего читателя. От Людовика Справедливого до «последнего Ришелье» оставался один шаг, и он был сделан в год 250-летия со дня рождения Дюка. Его финансовые проблемы в бытность премьер-министром Франции побудили погрузиться в историю «банкиров королей и королей банкиров» — Ротшильдов. А некоторые из них увлекались автомобилями и автогонками — как и Луи Рено.

Однако мое сотрудничество с «Молодой гвардией» началось гораздо раньше — как переводчика. За эти годы другая моя ипостась, Екатерина Колодочкина, перевела для любимого издательства больше двадцати книг.

Здесь меня никто ни разу не спросил: «А вы кто?» Ну разве что охранник при входе, и то если новенький и работает недавно. Приятно, когда люди, которых впервые видишь, просят подписать книгу на память или задают вопросы. Если работники предприятия сами пользуются его продукцией, это главный признак качества. А книги «Молодой гвардии» читают не только редакторы — по долгу службы и за деньги, но и другие сотрудники, потому что им это интересно.

Особая благодарность — за встречи с читателями на стенде «Молодой гвардии» во время сентябрьских международных книжных выставок. Писатель — не тот, кого печатают, а тот, кого читают. Просматривать от-

жусь как самой моей любимой и лучше всех изданной. А потом началась серия «ЖЗЛ». Почти случайно, я не собирался становиться ее автором, я не думал, что напишу так много, я просто защищал в начале нулевых диссертацию, посвященную биографии Пришвина, и искал возможность издать монографию за свой счет, как обыкновенно издаются книги этого сорта. В «Молодой гвардии» книгу о Пришвине согласились издать и даже пообещали гонорар.

«ЖЗЛ» я начал читать двенадцатилетним мальчишкой, увлеченным Латинской Америкой и ее героями — Сальвадором Альенде и Че Геварой. Жэзэловские книги о них писал человек по фамилии Лаврецкий — как оказалось позднее, это был псевдоним знаменитого советского разведчика Иосифа Григулевича, о котором в свой черед тоже вышла книга в знаменитой серии. Но меня ждала здесь русская судьба. За пятнадцать лет я написал семь книг. Пришвин, Грин, Алексей Толстой, Григорий Распутин, Михаил Булгаков, Андрей Платонов, Василий Шукшин.

Книгу об Алексее Толстом я писать не хотел. Мне он казался слишком плотским, слишком приземленным, прагматичным, конформистом, приспособленцем. Бог ты мой, как я ошибался! Это был для меня урок, и я был счастлив поделиться своими находками с читателем. Он счастливчик, и по большому счету это он, а не я получил в 2007 году «Большую книгу». Или другой пример. Я думал, что очень быстро напишу биографию Шукшина, и книга-то планировалась небольшая, для Малой серии, а оказалась настолько захватывающая, острозащитная история — настоящий роман.

Я очень благодарен всем, с кем свела меня судьба в «Молодой гвардии». Поздравляю своих добрых друзей с замечательной некруглой датой и желаю нам всем встретиться через пять лет и грянуть хвалу прекрасному советскому, российскому издательству.

Написанная Львом Данилкиным биография В. И. Ленина обещает стать одной из самых ожидаемых и, возможно, сенсационных книг этого года. Перед читателями предстанет «другой Ленин», увиденный писателем нового поколения. Это не тот Ленин, который лежит в мавзолее и которого сначала обожествляли, а потом — в 1990-е годы — демонизировали. Это — живой человек, оказавшийся в эпицентре

живой истории и творивший эту историю, потому что лучше других чувствовал ее пульс. Смешной и страшный. Похожий на Сократа и на персонажа сериала «Твин Пикс». Кому-то эта книга может показаться провокационной. Но, поверьте, она гораздо интереснее большинства книг, написанных о Ленине.

Борис Кустодиев. Большевик. 1920

ПАНТОКРАТОР СОЛНЕЧНЫХ ПЫЛИНОК

Ленин был великий велосипедист, философ, путешественник, шутник, спортсмен и криптограф. Кем он не был, так это приятным собеседником, но если Бог там, на небесах, захочет обсудить за шахматами политику и последние новости — с кем еще, кроме Ленина, ему разговаривать?

Рассказывать о Ленине — все равно что рассказывать истории «Тысячи и одной ночи». Кроме магии и тайн во всех этих историях есть логика: железные «если... — то...».

Если верить, что Ленин в одиночку устроил в России революцию, — то вынуждены верить, что он в одиночку прекратил мировую войну.

Если считаем Ленина взломавшим Историю хаке-

ром, — должны допустить, что История несовершенна и нуждается в созидательном разрушении.

Если отказываемся от Ленина потому же, почему некоторых профессоров математики не пускают в казино: они слишком часто выигрывают — то и сами не хотим победить, да еще оказываемся на стороне владельцев казино, а не тех, кто хотел бы превратить их заведения в районные дома пионеров. Снесите все статуи и запретите упоминать его имя — история и география сами снова генерируют «ленина».

КТО ТАКОЕ ЛЕНИН? Он — вы.

Как написано на надгробии архитектора Кристофера Рена:

«Читатель, если ты ищешь памятник — просто оглядись вокруг».

ЛЕВ ДАНИЛКИН: «ГЛАВНЫМ БЫЛО ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ИЛЛЮЗИИ, ЧТО О ЛЕНИНЕ УЖЕ ВСЁ НАПИСАНО»

Окончание.
Начало читайте на стр. 2

— Да десятки, сотни людей, про каждого — «ЖЗЛ» писать. Бауман, Землячка, Конкордия Захарова, особенно «искровский», конечно, период, ранняя РСДРП... Иван Бабушкин — удивительный человек, с поразительной биографией, писатель, боевик, в Лондон с малиновыми волосами приехал, случайно покрасили не в тот цвет, когда границу переходил.

Владимир Бонч-Бруевич — который был, возможно, лучшим апостолом Ленина — и был тем, кто связывал Ленина и процесс религиозной Реформации, происходивший в России одновременно с революцией.

Скворцов-Степанов — чьи книги 1920-х годов, например про электрификацию, видимо, написаны на

основе разговоров с Лениным, по его тезисам.

Демьян Бедный — поразительная фигура, не случайно его Ленин ценил больше, чем любого другого из современных поэтов, а там было из кого выбирать.

Инесса Федоровна Арманд — которая так похожа на святую, как только возможно.

Инженер Ломоносов — никому не известный, обогланный недобросовестными историками, но благодаря которому, по сути, Россия остается великой железнодорожной державой.

— Вы отметили писательский дар Крупской. А что вы — как критик с огромным стажем — можете сказать о литературном таланте Ленина?

— Плеханов, который был писателем с очень хорошим ухом на язык, всякий раз морщился, когда ему показывали ленинские тексты:

«О боже! Как говорят французы, это не написано!»

Даже если это и так, то жаль, что Ленин не успел оставить мемуары — такие, которые написаны медленно, не на коленке; когда ему хватало бы времени на отделку, на метафоры, он замечательный писатель, хороший рассказчик. Думаю, это было бы смешное, комичное произведение — Ленин умел рассказывать смешные истории о себе и своих знакомых, умел ценить абсурд ситуации — и шутить умел. Впрочем, и в амплиу Пьеро он тоже появлялся, есть пара страниц, видимо, написанных для Крупской, где он рассказывает о неудачном опыте общения с Плехановым, о том, как расплакался — или едва не расплакался — от отчаяния; это вообще не тот Ленин, которого мы знаем.

В общем, когда в анкетах Ленин называл себя литератором, он не обманывал, он был профессиональным литератором — причем неоднородным, протейным, со своей эволюцией. В 1914—1915 годах с Лениным произошло чудесное преобразование: после чтения Гегеля он как будто получил турбированный двигатель. До этого Ленин не был замечен в генерировании особо остроумных лозунгов — а после они стали сыпаться из него, как горох; он научился формулировать свои идеи не только для кружка, для камерной аудитории, но и для масс. Ленин разный, Ленин непредсказуемый, и его тома вообще не похожи друг на друга: Ленин-литературный критик пишет совсем не так, как Ленин — организатор заговорщической партии, а Ленин-экономист — не так, как автор записок о необходимости наказания для секретарш, которые болтают на совещаниях Совнаркома.

— С личностью Ленина связано огромное количество мифов, загадок, домыслов. Какие из них вам удалось развеять, разгадать, опровергнуть — разумеется, не строго исторически, а просто для самого себя?

— Он был больше философ, чем шахматист, вот это важно — и это я узнал за эти пять лет. Не хитрый, или

смекалистый, или сообразительный, или образованный — а именно мудрый, как Сократ, не случайно когда он умер, его мозг стали изучать — современники видели, что он гений был — в смысле превосходства интеллектуального. Я не понимал этого, когда начинал книгу писать.

Ну и всякие менее масштабные вещи — вроде того, почему Ленин шурится или почему его, на самом деле, так странно похоронили, мумифицировали. Почему? Думаю, потому, что в 1922 году археолог Говард Картер раскопал в Египте гробницу Тутанхамона. В мире началась эпидемия египтомании — эта тема была крайне популярна в литературе, поп-культуре, архитектуре, дизайне. Даже в Горках, где воспроизведена квартира Ульяновых, вы можете видеть у Марии Ильичны ширму с тутанхамонами... Вот так бывает: сначала вы ставите у себя такую ширму, а потом обнаруживаете своего брата в виде мумии.

— Каков в действительности масштаб влияния Ленина на русскую и мировую историю XX века? Он и правда настолько огромен, как преподносилось в советскую эпоху?

— Еще до всякого Ленина, в 1880-е, в среде российской интеллигенции жил страх того, что Россия окажется колонией Запада — это была обычная тема для разговоров в среде тех, кто хоть сколько-то разбирался в экономике. Россия как раз в те годы чудовищно отставала, оказывалась неконкурентоспособной по сравнению с Англией, Германией, Францией, Америкой. Кончилась это, собственно, японской войной, которая подтвердит самые худшие опасения. Так вот штука в том, что Ленин не только сумел эту проблему решить, но еще и создал — сознательно, намеренно — второй центр в мире. То, что мы сегодня живем в действительно биполярном мире — это его прямая заслуга, он сделал Москву вторым полюсом, и мы сейчас этим пользуемся, так или иначе. Именно Ленин обратил внимание на страны Третьего мира. Ортодоксальная марксистская теория предполагала, что революцию может сделать только сознательный пролетариат Запада, у которого есть опыт жизни при капитализме, Третий мир марксисты не видели. Ленин же высчитал (или угадал), что XX век станет веком третьего мира, что «феодальные» нации смогут перескакивать в социализм сразу, минуя капитализм. Результат деятельности Ленина — не только индустриализовавшаяся за несколько десятилетий Советская Россия, но и красный Китай.

— Ради чего он жил, к чему стремился? К пресловутой — грандиозной, утопичной — мировой революции или было что-то еще, нечто потаенное, то, что скрыто?

— Ну, революция — это только способ. То же самое с диктатурой пролетариата: по мысли Ленина, она

вовсе не была конечной целью. Одинажды Ленин шел выступать на митинг и обратил внимание на плакат: «Царству рабочих и крестьян не будет конца!» Плакат его страшно возмутил: это абсурд и непонимание самой сущности революции, сказал он. Революция делается не для того, чтобы один класс доминировал над другим — пусть даже рабочие и крестьяне над буржуазией. Классов и сословных различий не должно существовать вовсе; люди должны быть равны друг другу, не подчиняться друг другу — а творчески сотрудничать.

— Понятно, что любой человек сложен, многогранен, противоречив. Но если сделать намеренное упрощение: назовите ключевые качества ленинской личности.

— Умный, смешливый и ненадежный. Он был смешливый, умел над собой смеяться. Он был смелый, склочный и упрямый, с детьми умел хорошо обращаться. С женщинами дружил хорошо, долго, искренне, с мужчинами не умел, похоже, долго дружить, раздражал их склочничеством, упрямством, ненадежностью, считал допустимым жертвовать дружбой, «отношениями» — ради достижения политического преимущества.

Ключевой текст, по которому понятно, что было в голове у Ленина, — «Государство и революция», сто страничек. Редкий случай, когда Ленин обратился не к анализу действительности, а к моделированию того, как должно выглядеть общество будущего. Показательно, что, к примеру, слово «партия» там ни разу не употребляется.

— Ваш любимый анекдот о Ленине?

— Есть не столько анекдот, сколько бон-мо — жестокое — про три главные достопримечательности Москвы начала 1923 года: пушка, которая не стреляет, червонец, который не звенит, и премьер, который не говорит.

— Теперь, когда книга, наконец, написана, что вы чувствуете: опустошение, моральное удовлетворение, гордость, может, просто усталость?

— Я чувствую, что хочу прочитать полное собрание сочинений Маркса и Энгельса, что могу, наконец, спокойно смотреть по телевизору «Формулу-1» — у меня не было осенью 2016 двух часов посмотреть последнюю гонку, и я полгода не знал, чем все закончилось, кто чемпион; и еще я всё время думаю про кучу вещей, которые надо бы переделать в этой книге, я как эти художники анекдотические, которые приходят на свою выставку под видом обычных посетителей и начинают потихоньку дорисовывать свои картины — которые уже висят.

Сергей Коростелев

Полный текст интервью читайте на сайте «Молодой гвардии» gvardiya.ru в разделе «Наши эксклюзивы».

СРОЧНО В НОМЕР!

KUNSTСЕРИЯ «ЖЗЛ» (ТИРАЖ ОГРАНИЧЕН) Основана в 2017 году

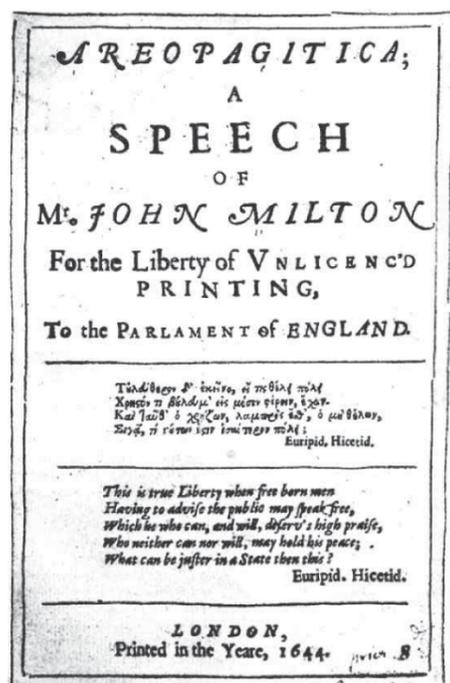
Представляет собой серию особо оформленных книг (авторский ультрасовременный оригинальный дизайн для каждого отдельного издания). Объединяет в себе произведения, написанные признанными авторитетами биографического жанра, уже снискавшими литературный успех и читательскую любовь. Это — своего рода серия несерийных (несерийно-оформленных) изданий ограниченного тиража, созданная издательством «Молодая гвардия» специально для книжных гурманов и библиоколлекционеров. Издается в двух — большом и малом — форматах.

ВЫШЛИ В СВЕТ И ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ:

- Дмитрий Быков «А БЫЛ ЛИ ГОРЬКИЙ?»
- Ксения Букша «БОГ И ДРУГИЕ ФИГУРЫ» (Казимир Малевич)
- Дмитрий Быков «ЗАЛОЖНИК ВЕЧНОСТИ» (Борис Пастернак)
- Захар Прилепин «НЕПОХОЖИЕ ПОЭТЫ» (Анатолий Мариненгоф, Борис Корнилов, Владимир Луговской)
- Лев Данилкин «ПАНТОКРАТОР СОЛНЕЧНЫХ ПЫЛИНОК» (Вл. Ленин)
- Сергей Шаргунов «В ПОГОНЕ ЗА ВЕЧНОЙ ВЕСНОЙ» (Валентин Катаев)
- Павел Басинский «СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК» (Лев Толстой)
- Клод Роке «МАСТЕРСКАЯ СНОВИДЕНИЙ» (Питер Брейгель)
- Дмитрий Быков «СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МАРШ» (Булат Окуджава)

«АРЕОПАГИТИКА»: РАЗГРОМНОЕ СЛОВО О ЦЕНЗУРЕ

Проблема свободного распространения информации, идей, мнений остро стояла в нашем недавнем прошлом и, как ни странно, периодически возникает и в современном демократическом обществе. При этом порой даже не подозреваем, что ответы на многие вопросы, которыми мы задаемся до сих пор, были даны мыслителями, жившими за несколько веков до нас. Так, 23 ноября 1644 года поэт, публицист, политический деятель Джон Мильтон (1608—1674) опубликовал свою знаменитую «Ареопагитику» — обращенную к парламенту Англии речь о свободе печати от цензуры. Название этого полемического трактата было заимствовано из речи афинского оратора Исократ, написанной еще в V веке до нашей эры.

Титульный лист «Ареопагитики»

Мильтон обрушился с критикой на принятое депутатами постановление (от 14 июня 1643 года) о предварительной цензуре книг и иных печатных публикаций. Чиновники получили право на обыск типографий, уничтожение печатных машин, конфискацию незволенных книг; авторы и печатники оказались под дамокловым мечом тюремного заключения; свободный ввоз книг из-за границы запрещался. Так формировалась жесткая система контроля над книгоизданием, в рамках которой обе палаты парламента и Комитет печати выдавали разрешение на выпуск той или иной книги — или запрещали ее.

Обнародовав свою «Ареопагитику» без цензурного дозволения, Мильтон пошел на серьезный риск, ведь его действия должны были квалифицироваться как преступление. Однако уже в самом начале текста он объяснил свой поступок желанием «содействовать общему благу». Способность государства прислушиваться к жалобам — и удовлетворять их — он назвал высшим проявлением гражданской свободы.

Отдавая должное «неустрасимой мудрости» палаты лордов и палаты общин, Мильтон декларирует свое право на чистосердечную похвалу правителям, не имеющую ничего общего с лестью. Он признает, что государство и церковь вправе «бдительным оком» следить за «поведением книг» и поведением людей, их издающих. При этом Мильтон осмеливается утверждать, что в интересах истины, науки и, более того, самого государства постановление необходимо отменить — и это возвестит о подлинно справедливом управлении, укрепит уважение к парламенту со стороны граждан.

Мильтон советует парламентариям подражать «древней и изысканной гуманности Греции» и упоминать блистательного афинского оратора Исократ (436—338): в V веке до нашей эры тот обратился к ареопагу с речью, в которой настаивал на восстановлении мудрой фор-

мы правления Солона — политика, законодателя, поэта.

На обширный опыт Афин и античного мира вообще Мильтон ссылается очень охотно, ведь там — при умелой борьбе с «антиобщественными проявлениями» — сохранялась большая свобода мысли и творчества. В Афинах преследовались сочинения двух видов: клеветнические и в первую очередь богохульные. Так, по постановлению ареопага были сожжены книги философа Протагора, а сам он был изгнан из полиса. Всё дело в том, что в одном из своих сочинений Протагор признался, что не уверен в существовании богов... По свидетельству древнеримского политического деятеля, оратора и философа Цицерона, санкций за такие нарушения было вполне достаточно, чтобы «укротить дерзкие умствования других атеистов и положить конец оскорблениям». Секты же, мнения, «бесстыдные изречения циников», чтение старых комедий — законом не преследовались.

В другом древнегреческом государстве, Спарте, законодатель Ликург и вовсе искренне заботился об изысканности словесности: собирал разрозненные части произведений Гомера, привлек на службу поэта Талета, который был призван смягчить суровые нравы спартанцев. При этом, однако, за непристойные стихотворения был изгнан поэт-сатирик Архилох; хотя писал тот, судя по всему, самую правду — недаром трагик Еврипид утверждал в «Андромахе», что ни одна спартанская женщина не была целомудренной.

В Римской империи — при императоре Августе — сжигались папки, а их авторы подвергались телесным наказаниям. Но, как и в Греции, строгость применялась в основном тогда, когда сочинения посягали на честь богов. В остальном же в книжную жизнь власти почти не вторгались. Не случайно Лукреций безнаказанно проповедовал свой эпикуреизм, и не встречали препятствия ни сатирическая едкость, ни грубая откровенность Луцилла, Катуллы или Флакка. Что же касается политических взглядов, то, к примеру, не была запрещена написанная Титом Ливием «История Рима от основания города»: в ней превозносилась партия Помпея — а ведь цезарь Август принадлежал к другой...

А вот христианская цензура в Риме понастоящему зверствовала, и Мильтон не мог обойти этот факт стороной. Он решительно осуждает деятельность римских пап, сжигавших и запрещающих негодные им книги. Лев X, Тридентский собор¹, испанская инквизиция

«Книги нельзя считать вещами совершенно мертвыми, ибо они содержат в себе семена жизни, столь же деятельные, как та душа, порождением которой они являются».

¹ Вселенский собор католической церкви, заседавший (с перерывами) с 1545 по 1563 год. Его постановления способствовали усилению власти папы и епископов и ужесточению гонений на протестантов.

«Избиение печати не только умерщвляет жизнь, но и поражает самую квинтэссенцию, самое дыхание разума».

значительно расширили каталоги запрещенных книг, добавив туда многих старых добрых авторов: жестокие цензоры рылись в их мыслях, совершая тем самым над их могилами «самое худшее поругание». Кроме того, они постановили, что «ни одна книга, памфлет или газета не могут быть напечатаны без одобрения и разрешения двух или трех обжор-монахов — как будто сам святой Павел доверил им ключи не только от рая, но и от печати», — писал издевательски Мильтон. Он констатировал, что установление цензуры идет не от древнего государства, не от закона предков, не от «новейшей практики» какого-либо из реформированных государств или церкви, а от постыдного Тридентского собора и судилища инквизиции.

Далее Мильтон напоминает, что Моисей, Даниил, Павел хорошо знали науки египтян, халдеев и греков, что было бы невозможно без чтения книг этих народов. Апостол Павел считал возможным включить в Священное Писание изречения трех греческих поэтов. Когда же Юлиан Отступник издал декрет, запрещающий изучение языческих наук, он поставил христиан в трудное и незавидное положение — со временем те рисковали впасть в полное невежество.

Наконец, Мильтон утверждает, что если Бог предоставил человеку свободу выбора пищи для своего тела (установив лишь правила умеренности), то такая же свобода должна быть и в заботе о пище умственной; «вследствие этого каждый взрослый человек может сам заботиться об упражнении своей главной способности». Добро и зло растут в этом мире вместе и почти неразлучно, и познание добра тесно связано с познанием зла. По мнению Мильтона, только тот, кто способен понимать и судить о пороке со всеми его приманками, отличать и предпочитать настоящее добро, — только тот есть истинный воин Христов.

Мильтон не сомневается, что цензура наносит всем сферам общества серьезный урон. Наивно думать, что она способна остановить поток книг «клеветнических, возмутительных и мятежных». Нет, она лишь служит «тормозом истине», «задерживает и урезает возможность дальнейших открытий как в духовной, так и в светской областях».

Книги нельзя считать вещами «совершенно мертвыми», ибо они содержат в себе «семена жизни, столь же деятельные, как та душа, порождением которой они являются; они сохраняют в себе чистейшую энергию и экстракт

Джон Мильтон

того живого разума, который их произвел». Поэтому убить хорошую книгу — даже по неосторожности — всё равно что убить человека. При этом, по мнению Мильтона, есть люди, которые «только обременяют землю», тогда как хорошая книга — «драгоценный жизненный сок творческого духа, набальзамированный и сохраненный как сокровище для грядущих поколений». Человек смертен, книга — бессмертна, и этим она даже более важна для общества.

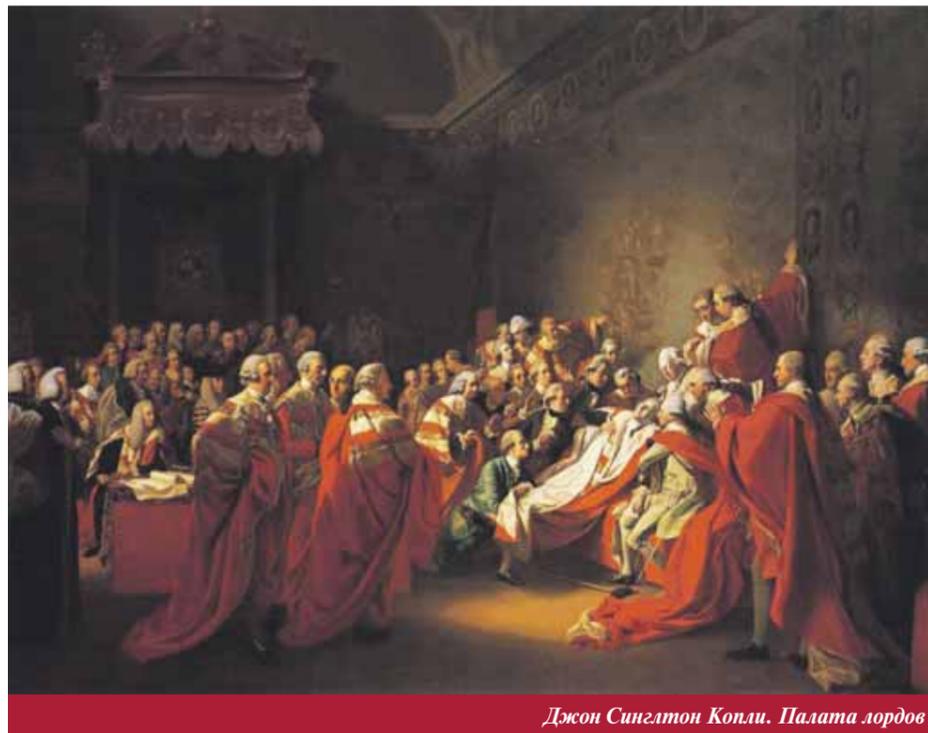
Мильтон логически заключает, что избиение печати — преступление поистине чудовищное: оно не только умерщвляет жизнь, но и поражает «самую квинтэссенцию, самое дыхание разума» — убивает даже не жизнь, а бессмертие. Да, к сожалению, жизнь не восстановима, но «в этом, быть может, и нет большой потери». Гораздо страшнее потеря отвергнутой истины, ибо она наносит ущерб целым народам, которые оказываются не в состоянии восполнить «длинный ряд веков».

Столь смелое возвышение истины над жизнью, которое провозглашает Мильтон, едва ли имеет аналоги в истории мировой философии. Глубокое понимание сути письмен-

«Человек смертен, книга — бессмертна, и этим она даже более важна для общества».

ного слова, которого достиг Мильтон, заслуживает восхищения: и до сих пор, в XXI веке, суждения этого английского мыслителя несколько не утратили своей значимости. Его «Ареопагитика» по праву считается одной из наиболее влиятельных и проникновенных философских речей в защиту свободы слова и печати.

Валентин Юркин,
кандидат философских наук

Джон Сингтон Копли. Палата лордов

ПРОЗА И ЖИЗНЬ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

15 марта 2017 года другу «Молодой гвардии», замечательному писателю, классику русской литературы XX века Валентину Григорьевичу Распутину (1937–2015) исполнилось бы 80 лет.

Коренной сибиряк, Валентин Распутин родился в селе Усть-Уде Восточно-Сибирской области (позднее была разделена на Иркутскую и Читинскую). Его детство прошло в низовьях Ангары, в деревне Аталанке, которая перед запуском ГЭС была перенесена на берег Братского водохранилища. Окончив сельскую среднюю школу в Усть-Уде, в 1954 году Распутин поступил на историко-филологический факультет Иркутского университета. В студенчестве сотрудничал с областной молодежной газетой. В 1961 году в альманахе «Ангара» был опубликован первый рассказ Распутина — «Я забыл спросить у Лешки...». В 1965 году был участником Читинского зонального семинара начинающих писателей, где познакомился с В. А. Чивилихиным, которого считал своим «крестным отцом в литературе». В 1966 году в Красноярске и Иркутске были опубликованы две книги очерков и рассказов писателя.

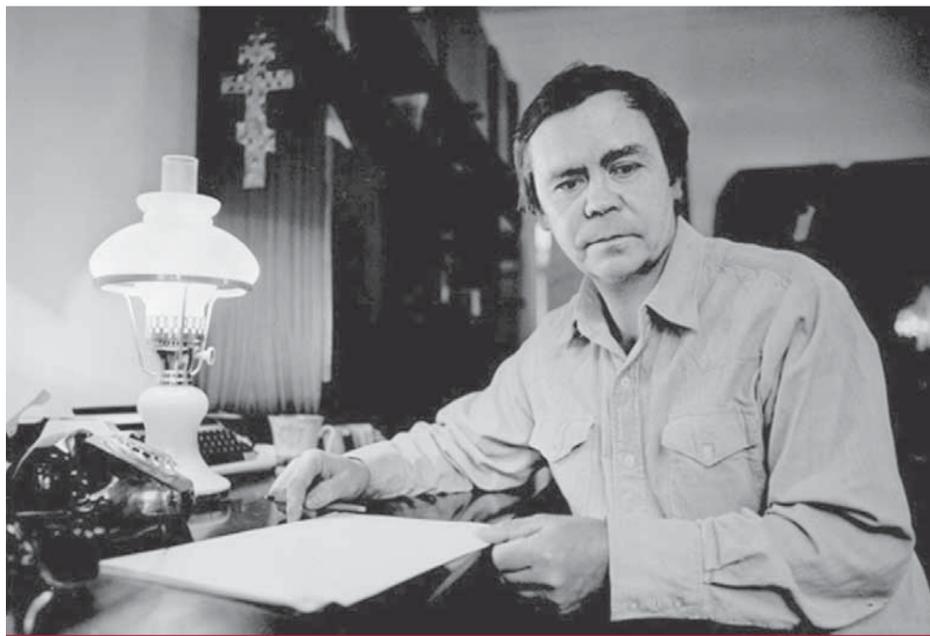
Распутин одним из первых ощутил роковой разрыв человека с природой, эту экологическую катастрофу, которая «вползла» в нашу жизнь и стала хозяйничать в ней. Он тонко почувствовал, как ломается традиционный сельский уклад, духовный мир русской деревни во второй половине XX века. Он мучительно искал союза мира человека с миром природы, внутренней гармонии. Это полностью соответствовало идейно-нравственным установкам и устремлениям «Молодой гвардии», поэтому Распутин сразу попал в поле зрения нашего издательства. В 1966 году — по итогам совещания в Чите — увидел свет сборник, в который вошел рассказ Распутина «Мама куда-то ушла», а в 1968 году в серии «Молодые писатели» была издана его книга «Деньги для Марии», получившая широкую известность. В предисловии С. П. Залыгин писал, что Распутин «вошел в нашу литературу сразу, почти без разбега и как истинный мастер слова».

С этого времени между писателем и «Молодой гвардией» установились особенно теплые отношения. Все главные произведения Распутина впервые вышли именно в «Молодой гвардии»: в 1970 году — «Последний срок», в 1974 году — повесть «Живи и помни» (в 1977-м это произведение было удостоено Государственной премии СССР). В 1976 году Распутин закончил работу над повестью «Прощание с Матёрой». Она стала своеобразным итогом размышлений писателя о трагической судьбе деревни, гибнущей под мощными ударами научно-технической революции.

В 1984 году «Молодая гвардия» издала его «Избранные произведения» в двух томах. Долгое время Распутин молчал как художник и работал как публицист. В 1986 году в молодоговардейском сборнике «Подвиг» было напечатано его философско-публицистическое произведение «Пожар». Сюжет его отчасти продолжал сюжет «Прощания с Матёрой». По заказу «Молодой гвардии» Распутин долго и тщательно работал над историко-публицистической книгой «Сибирь, Сибирь...». В 1991 году она вышла подарочным изданием в серии «Отечество». Уникальную фотосъемку к этой книге осуществил Б. В. Дмитриев.

В 2004 году в «Молодой гвардии» вышло последнее художественное произведение Валентина Распутина — повесть «Дочь Ивана, мать Ивана». А в 2016-м, через полтора года после кончины классика, в серии «ЖЗЛ» увидела свет его биография. Автором книги стал Андрей Румянцев, который был знаком со своим героем еще со студенческих лет: вместе с Распутиным они учились в Иркутском университете и жили в одном общежитии, причем год — в одной комнате. Румянцев не пишет по принципу «я и Распутин», как делают порой иные биографы, и даже по принципу «Распутин и я». Он вообще уходит в тень, чтобы четче вырисовывался силуэт его героя во вдумчивом и подробном повествовании. Чтобы мы ощутили: Распутин не только большой писатель, но и большой человек — редкой чистоты и порядочности. И не на словах, а на деле. Достаточно вспомнить его долголетнюю (более 20 лет), отнявшую много сил борьбу за сохранение чистоты Байкала.

1990-е, 2000-е годы выдались весьма непростыми: для семейной и творческой жизни Распутина, для его малой родины и страны в целом. И всё же его великая литература позволила всем нам отстоять и Россию, и самих себя. Что-то глубинное, сокровенное о жизни и о человеке постигали мы, склонившись над страницами его книг, и, подняв голову, сознавали, что это главные слова о сущем — о добре и вере. Валентин Распутин — не только писатель, но и духовный учитель. В одной из статей он писал: «Когда принимаются уверять с наслаждением, что русская литература приказала долго жить, — не там высматривают нашу литературу, не то принимают за нее. Она не может умереть раньше России, ибо не была украшением ее, которое можно сорвать, а ее выговаривающей духовной судьбой. Но если бы даже случилось так, что Россия

Наедине с чистым листом

С генеральным директором АО «Молодая гвардия» Валентином Юркиным на Московской международной книжной выставке-ярмарке

перестала быть Россией, литература и тогда еще десятки лет продолжала бы любить ее и славить древней незатахнувшей памятью».

Биография Валентина Распутина вышла с предисловием Владимира Толстого. «Русская литература стала великой, потому что ее вер-

шинами были и есть писатели, олицетворяющие совесть народа», — написал он, и вряд ли можно сказать точнее.

В истории «Молодой гвардии» Валентин Григорьевич навсегда оставил яркий, неизгладимый след. Светлая ему память!

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Для удобства формирования вашей книжной полки мы публикуем хронологический список книг, вышедших в издательстве «Молодая гвардия» в декабре 2016-го — марте 2017 года в сериях «ЖЗЛ», «ЖЗЛ: Современные классики», «ЖЗЛ: Малая серия» и «Близкое прошлое». В данный перечень включаются также внесерийные издания.

Бородин / Анна Булычева. — 2-е изд., 427[5] с.: ил. — Вып. 1623.
Ворошилов / Николай Великанов. — 510[2] с.: ил. — Вып. 1619.
Плевицкая / Леонид Млечин. — 409[7] с.: ил. — Вып. 1620.
Фадеев / Василий Авченко. — 366[2] с.: ил. — Вып. 1622.
Петр Захаров из чеченцев / Алауди Мусаев. — 335[1] с.: ил. — Вып. 1617.
Павел I / Алексей Песков. — 5-е изд. — 423[9] с.: ил. — Вып. 1608.
Николай II: Пленник самодержавия / Сергей Фирсов. — 2-е изд., перераб. — 526[2] с.: ил. — Вып. 1625.

Грэм Грин / Александр Ливергант. — 287[1] с.: ил. — Вып. 1630.
Молотов / Вячеслав Никонов. — 631[9] с.: ил. — Вып. 1624.
Эдуард Лимонов / Андрей Балканский. — ЖЗЛ: Современные классики. — 367[1] с.: ил. — Вып. 2.
Тринадцатый апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях / Дмитрий Быков. — 3-е изд. — 827[5] с.: ил.
Вампилов / Андрей Румянцев. — 2-е изд. — 332[4] с.: ил. — Вып. 1616.

Батый / Алексей Карпов. — 2-е изд., испр. и доп. — 348[4] с.: ил. — Вып. 1615.
Музыка как судьба / Георгий Свиридов; сост. А. С. и В. С. Белоненко; авт. предисл. и коммент. А. С. Белоненко; науч. ред. С. И. Субботина. — 2-е изд., дораб. и доп. — Близкое прошлое. — 795[5] с.: ил. — Вып. 28.
А был ли Горький? / Дмитрий Быков. — 255[1] с.: ил.
Ротшильды / Екатерина Плаголева. — 477[3] с.: ил. — Вып. 1621.

Гаврило Принцип / Евгений Матонин. — 332[4] с.: ил. — Вып. 1626.
Бог и другие фигуры / Ксения Букша. — 319[1] с.: ил.
Легендарные разведчики. На передовой вдали от фронта — Внешняя разведка в годы Великой Отечественной войны / Николай Долгополов. — 4-е изд. — 367[1] с.: ил. — Вып. 1631.
Никола Тесла / Евгений Матонин. — 2-е изд. — 380[4] с.: ил. — Вып. 1627.
Жизнь Пушкина: В 2 т. Т. 1: 1799—1824 / Ариадна Тыркова-Вильямс; вступ. ст. О. Н. Михайлова. — 8-е изд. — 471[9] с.: ил. — Вып. 1628.
Жизнь Пушкина: В 2 т. Т. 2: 1824—1837 / Ариадна Тыркова-Вильямс. — 8-е изд. — 514[14] с.: ил. — Вып. 1629.
Фидель Кастро / Максим Макарычев. — 639[1] с.: ил. — Вып. 1633.
Гёте / Жоэль Шмидт; пер. с фр., прим. Н. Н. Зубкова. — ЖЗЛ: Малая серия. — 334[2] с.: ил. — Вып. 108.
Че Гевара / Николай Платошкин. — 701[3] с.: ил. — Вып. 1618.
Лев Толстой: Свободный чело-

век / Павел Басинский. — 302[2] с.: ил. — Вып. 1637.
Победоносцев: русский Торквемада / Александр Полунов. — 335[1] с.: ил. — Вып. 1632.
Гендель / Лариса Кириллина. — 479[1] с.: ил. — Вып. 1634.
Братья Стругацкие / Дмитрий Володихин, Геннадий Прашкевич. — 2-е изд., испр. и доп. — 350[2] с.: ил. — Вып. 1636.
Ван Гог / Давид Азизо; пер. с фр., предисл., коммент. В. Н. Зайцева; вступ. ст. Н. Ю. Семенов. — 2-е изд., стереотип. — 303[1] с.: ил. — Вып. 1638.
Примаков / Леонид Млечин. — 2-е изд. — 527[1] с.: ил. — Вып. 1609.
Софья Палеолог / Татьяна Матасова. — 2-е изд. — 301[3] с.: ил. — Вып. 1635.
Барон Мюнхгаузен: Германия — Россия — далее везде / Сергей Макаев. — 268[4] с.: ил. — Вып. 1641.
Леонардо да Винчи / Софи Шово; пер. с фр. В. Д. Балакина; предисл. А. Б. Махова. — ЖЗЛ: Малая серия — 2-е изд. — 283[5] с.: ил. — Вып. 109.
Чапаев / Павел Аптекар. — 292[12] с.: ил. — Вып. 1642.

Над номером работали:
В. Иванов, С. Коростелев, Р. Косыгин,
Г. Петров, В. Эрлихман
Дизайн и верстка Д. Карпов
Корректор Г. Платова

МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ

Наш адрес: 127055, Москва, ул. Суцневская, 21
Издательство: 8 (495) 787-63-85 http://gvardiya.ru
Отдел реализации: 8 (495) 787-64-20; 8 (495) 787-62-92
Отдел рекламы: 8 (495) 787-63-87; 8 (495) 787-63-57
Интернет-магазин: http://gvardiya.ru/shop/;
8 (495) 787-95-59